

Лезвие осознания (сборник)

Автор:

Ярослав Астахов

Лезвие осознания (сборник)

Ярослав Астахов

У этой книги совсем особенная энергия. Она написана в жанре реальной мистики. Ее герои словно идут над бездной по лезвию – лезвию Осознания.

Они переживают опаснейшие приключения. Фантастические, но очень узнаваемые людьми, достаточно познавшими жизнь. И вот, восходя по изображениям чудовищ, теней и тьмы как будто бы по неким ступеням – Астахов наконец открывает надо всем этим вечное торжество Света. Показывает природу этого торжества.

И это сообщает душе несокрушимый покой, способный исчерпать бездну.

Содержание:

1. Предел... или уже за?
2. Как люди
3. Отрубленная рука
4. Красная строка
5. Механический ангел
6. Страшный снаряд

7. Лезвие осознания

Ярослав Астахов

Лезвие осознания

повести и рассказы

Предел... или уже за?

Я не могу не рассказать этого. Иначе сойду с ума.

Правда, я теперь все равно сойду...

(на пустошь в конце тропы, как выразился бы Стивен Кинг)

тем или иным способом.

Но выбор способа пока еще волнует меня.

Когда это началось?

Наверное, на вечеринке у Гарри, когда я пригласил на танец Сесилию, жену хозяина дома. Мы так неспешно вальсировали, и она смотрела на меня своими большими глазами, она молчала...

Я чувствовал, как плотно тело Сесилии прижимается к моему. Не игриво, нет. Просто – как если бы ей приятно было ощущать меня рядом. Как если бы ей было с мной надежно и хорошо.

Она склоняла иногда голову, и зеленый глаз настороженно косил в сторону – а не замечает ли муж?

Ха! Замечает ли?! Гарри...

Признаться, этот человек мне никогда особо не нравился. Не очень высокого для мужчины роста – наверное, на каких-то полдюйма выше своей жены – жеманный слегка брюнет. Прилизанные усики над вечной кривоватой улыбкой. Чуть маслянистые глаза, поджарый... Мужчины этого типа всегда производили на меня, скорее, отталкивающее впечатление.

Но после той вечеринки я не заметил, как стал, зачем-то, все чаще бывать у Гарри. И поводы появлялись как-то... уж очень сами собой – легко.

Чего там – их в изобилии поставлял мне хозяин дома! Да, он их организовывал... И, будь я тогда умнее, я должен был заподозрить: что-то неладно! Что-то...

Да только Гарри оказывался каждый раз на удивление радушным хозяином. А я ведь полагал прежде, что люди с подобной внешностью просто не бывают радушны. И оказалось вдруг, что ошибся. И я был изумлен этим. И удивление убавляло подозрения.

Что с нами произошло дальше?

Вы угадали уже, я думаю.

Ведь рано или поздно должно было случиться то самое, к чему я – не признаваясь в этом даже и самому себе – конечно же и стремился.

Однажды Гарри не оказалось дома. Сесилия приняла меня в шелковом халатике, переливающимся и струящемся, расшитом оранжевыми драконами. (В то время я уже считался другом семьи. Поэтому такого рода наряд – чуть по-домашнему вольный – не мог произвести никакого странного впечатления.) Мы с ней о чем-то беседовали... едва ли я смогу вспомнить, о чем же именно.

Зато я хорошо помню, как двигались ее руки. Танцуя как бы... словно играя на каких-то незримых струнах... гипнотизируя. И я почти не отрывал взгляда от ее тонких изящных пальцев, когда она жестикулировала во время нашей беседы, когда непринужденно священнодействовала, нам смешивая коктейль.

И получались эти коктейли, надо сказать, у нее прекрасно. Сесилия предложила мне сразу же после первого и второй. (Об этом я ее не попросил. Хотя и очень даже был не прочь повторить, не спорю!)

И вот она присела со мною рядышком на диван. И тоже со второй порцией этого божественного и терпкого напитка в руке. Сесилия произнесла тихо, с какою-то извиняющейся и незнакомой мне до того у нее улыбкой:

– Ты знаешь, Боб... я с некоторого времени почему-то стала тебя... бояться. Да нет, ты не беспокойся – с тобой все в полном порядке! А это я скорее боюсь... себя! Да. Все просто... И вот поэтому, Боб, я хочу тебя попросить... – и с этими словами Сесилия придвинулась ко мне и сжала руку мою в своей. – Обещай, что ты ведь никогда не станешь... искушать меня, Боб! Ты будешь всегда держаться со мной пай-мальчиком...

Сесилия заглянула в мои глаза – и ее лицо, мерцающее какое-то, как это мне тогда показалось, и с приоткрытыми чуть губами – приблизилось. И я поставил бокал на журнальный столик, чуть было не уронив. И нерешительно ее обнял...

Мы целовались – и в этот миг я не помнил ни о чем другом. И лился на тигровые лилии ковра коктейль из ее бокала...

Не сложно угадать и дальнейшее.

Развитие событий не отступило от классического сюжета драматургии... а лучше будет, впрочем, сказать – от классики анекдотов.

Короче говоря, пришел день, когда вернувшийся в совершенно немыслимое для этого время Гарри застукал Сесилию и меня на своем супружеском ложе.

...Я не могу забыть его взгляд! Он... прямо-таки вцепился в меня глазами.

Конечно же, я был голый – и чувствовал себя беззащитным.

И тогда Гарри... он вдруг подскочил ко мне... перелетел каким-то мягким прыжком. Почудилось, что это будто бы не человек, а пантера...

Он слету залепил мне хук левой, а потом еще добавил в солнечное сплетение.

Вполне естественные действия разгневанного супруга, о да!

Но, я вам доложу, это были какие-то странные удары. Они почти не причинили вреда...

Но глаза... горящие глаза Гарри не отрывались от моих глаз! И взгляд их был... наркоман, дорвавшийся, наконец-то, до своей дозы.

И вот еще: этот непонятный взгляд Гарри как будто бы посылал мне какой-то импульс...

Дальше? Ну что же, апперкот поставлен у меня хорошо. И он и проложил мне дорогу к выходу из этой неприятнейшей ситуации.

Конечно, я ожидал продолжения ее, и оно не замедлило последовать. Не минуло и недели, как меня уже навестил... о нет, не почтальон с повесткою о вызове в суд по поводу причинения морального ущерба – сам Гарри.

– Мы вляпались с тобой в одно и то же дерьмо! – было первое, что он мне тогда сказал.

– Я думаю, многие друзья оказываются в такой ситуации, – продолжал он, – и в результате дружбе их приходит конец. Но, Боб... ты знаешь, мне бы этого не хотелось. Ведь это же была всего лишь случайность, а?

– Давай мы будем считать все это недоразумением, – присовокупил еще Гарри. – Порошу тебя, скажи вместе со мной это слово, Боб: недоразумение!

И Гарри протянул руку.

Ошеломленный, я механически пожал ее, вряд ли соображая что-либо в тот момент. Подумайте, ведь я ожидал от Гарри чего угодно – только не этого!

И вот мы с ним рассмеялись. Я – несколько натянуто, правда. Мы хлопнули друг друга по плечу, выпили...

Через какое-то время Гарри позвонил мне домой и справился о делах – как будто бы ничего и не было.

Мы поболтали с ним об охотничьем сезоне... о выборах президента... И после этого Гарри поинтересовался – небрежно так, невзначай – а почему это я давненько не заходил в гости к нему и к Сесси? И сразу же очень весело и решительно потребовал, чтобы я предстал завтра же (завтра же, старина!) таким обволакивающим и не предполагающим возражений голосом. И он еще о чем-то после шутил, подлец, и в эту минуту я... представьте, верил всему тому, что он говорил мне при нашей последней встрече: друзья... ничего особенного... недоразумение...

Я даже и не заметил, как снова вошло у меня в привычку бывать у гостеприимных моих... друзей.

Мы очень мило беседовали. Мы пили пиво, играли в карты. Смеялись разным попсовым фенечкам, которые выдавал Стив Стайнбек с экрана их безразмерного навороченного домашнего кинотеатра. Купались в перламутровом овальном бассейне на заднем дворе коттеджа... Ну прямо хоть начинай снимать сериал «Бескорыстная Дружба» ТМ или что-нибудь в этом роде!

Идиллия...

Да только вот идеальным все это не было.

Ведь наши романтические встречи с Сесилией – продолжались.

Ну, разве только теперь мы не рисковали: Сесилия, когда она приезжала ко мне, парковалась где-то квартала за два – конспирации ради. А первый раз... Я сам ее тогда пригласил к себе в дом, желая поговорить без помех. Ей богу, я ей тогда хотел предложить прервать связь, потому что это нечестно ведь – вот так обманывать человека, который проявил добрую вполне волю, верит в нашу порядочность...

Все это я сказал тогда ей.

Сесилия соглашалась со мной, не спорила.

И вот, вы только себе представьте, именно эта ее уступчивость, безропотная готовность, с которой принимала Сесилия аргументы – она вдруг почему-то мне очень больно кольнула в сердце!

Мне стало нехорошо. Чего там... стало хреново! Я растерял внезапно куда-то весь праведный азарт, весь запал.

Сесилия же тогда не заметила во мне этой внутренней перемены, будто бы. Она слегка поцеловала меня – как может целовать сестра брата ежедневным утренним поцелуем «до скорого!» – и сразу же предложила выпить: «за это мужественное твое решение и за то, что ты, как настоящий друг и мужчина...» Выпили. Потом Сесилия захотела, чтобы мы с ней выпили за что-то еще. И еще...

Я совершенно не могу вспомнить – хоть вы пытайте! – что было дальше. Но только, пробудившись на следующее утро в своей постели, я обнаружил... что обнимаю Сесилию, сладко и крепко спящую. Моя голова раскалывалась неимоверно и, я считаю, мне очень повезло тогда, что в доме у меня все-таки нашлось, чем можно опохмелиться.

Сесилия и я стали чем-то вроде товарищей по несчастью. О том, чтобы отношения прекратились, больше не заходила речь. Мы понимали, что поступаем нехорошо, но, видимо, так уж это было нам суждено. По крайней

мере, подобным образом уложилось это в моей голове, не знаю, что думала себе Сесси. Но, кажется, мы оба с ней воспринимали наши близкие отношения как... ну, знаете: взошло солнце – запели птички; солнышко закатилось – настала ночь.

Мы даже не могли себе и представить, какая ночь распростерла над нами черные перепончатые свои крылья! А если бы и могли, то не верили бы, потому что последняя возможность не сойти с ума для того, который обречен и его затягивает неодолимый водоворот: не верить!

Я должен рассказать и кое о чем еще. Воспоминания об этом крайне мне неприятны, однако без описания случившегося будет непонятен смысл дальнейших событий.

Событий, в результате которых я оказался сожжен дотла. И ныне сижу в подвале, крепко сжимая правой рукой рукоять револьвера, на коем выштампованы два слова: «Кольт» и «Миротворец». О да! Он показал уже себя не один раз, и он есть в точности такой миротворец, каким «Освободителем» был наш огромный бомбардировщик времен второй мировой войны, превративший в кровавые клочки миллионы гражданского населения немцев! Поэтому у меня есть основания надеяться, что револьвер этот не подведет меня.

Но будем излагать по порядку.

Однажды я решил нанести визит, как обычно, моим дорогим друзьям. Приветствовал в этот раз меня по переговорному устройству и встретил Гарри.

– О, Бобби! Как же я тебе рад! Ужасно рад тебя видеть! Печально только (он очень радостно улыбнулся при этих словах и едва ли не подмигнул), что благоверной моей сейчас нету дома – уехала погостить к матери. Так что повидаться вам в этот раз не получится. Ну, да еще успеется...

Я испытал какое-то странное чувство в этот момент.

Гарри был облачен в тот самый

(тот самый!)

шелковый струящийся халат, испещренный драконами.

Халат, в котором я привык видеть Сесси, когда мы сней встречались в доме у Гарри. Выходит, что у супругов этот халат был общим. Но это не особенно удивило меня. Подумаешь, семейные причуды достигают подчас еще и не такой степени странности. Но... глаза... мне почему-то показалось, что Гарри намеренно нарядился в этот халат в момент, когда, переговорив со мною, отправился открывать.

Да, глаза... В них был какой-то слишком уж яркий блеск. Я многое бы сумел прочесть у него в глазах, думается, тогда, если бы приучил себя быть внимательнее.

Мне следовало развернуться и убежать!

Но я переступил порог дома. Мы обменялись рукопожатием.

И мы еще слегка приобняли друг друга за плечи, как это у нас водилось, и вот тогда...

Да, Гарри поцеловал меня.

Я отступил на полшага. Я оторопел. Собственно, мы с Гарри целовались и раньше – перебрав лишнего. И даже с большим энтузиазмом и в обе щеки, похлопывая друг друга при этом сильно по спине и смеясь.

Но это было другое! Гарри мимолетно коснулся к моим губам – в точности, как это делала Сесси, утомленная и простовато-счастливая, когда прощалась она со мной!.. Такое поведение Гарри было столь неожиданно, что я был совершенно обескуражен и я... я только лишь смотрел на него, не умея ничего предпринять.

Но, впрочем, это все совершенно и не заняло времени. Все продолжалось меньше, чем полсекунды. Гарри немедленно сразу же и заговорил со мной – забрасывая массой быстрых вопросов, не требующих ответа, просто

поддерживающих ритуал встречи старых добрых друзей. (Ну, знаете, что-то вроде: «а на какую команду ты нынче поставил бы в чемпионате штата по регби? кто из претендентов, ты думаешь, заграбастает Белый дом? а как тебе эти новые правила дорожного движения?..) Гарри увлекал меня вверх по винтовой лестнице, Гарри не переставал улыбаться, и я... как-то непроизвольно начал отвечать ему в таком же легкомысленно-обыденном тоне... как будто ничего не случилось! Он просто навязал мне этот свой мельтешащий темп! Гарри не разрешил и секунды, чтобы я как-то выразил свое отношение к случившемуся. И вот – чем выше мы поднимались по винтовой лестнице, тем больше я сомневался: а произошло это вообще... или нет? (А даже если и произошло – то чего особенного? Ведь не в ширинку же мне Гарри полез, в конце-то концов? Так что же...)

И вот, мы расположились в кабинете у Гарри, как сживали нередко, бывало, приканчивая упаковку «Гиннеса». Я – на модернистском навороченном диване с вычурной спинкой (обычное мое место), Гарри – в кожаном строгом кресле на роликах, на почтительном удалении... Гарри, как и почти всегда, улыбался. Простой хорошей улыбкой. Во взгляде на меня его маслянистых глаз не было, в тот момент, ничего такого...

С чего же это я вдруг? – подумалось мне тогда. – Полно! Вообразить о друге подобную ерунду... Ведь у него есть жена!

А Гарри, между тем, увлеченно рассказывал мне про новый свой оригинальный каприз. Его коттедж только что получил пристройку, которая вполне гармонировала со всем ансамблем. Гарри напомнил мне, как в один из прошлых визитов я заметил, что ведется строительство, и я спросил о цели его. А Гарри мне не ответил тогда, сказав только: о! это подготавливается убойный сюрприз!

– Теперь же время пришло! – вещал, широко улыбаясь и сверкая глазами, Гарри. – Пристройка представляет собой зал для боулинга! Теперь мы сможем заниматься нашим любимым спортом, не выходя из дома!

– Я приглашаю прямо сейчас! – вдруг энергично вскочил с кресла Гарри. – Ты должен оценить... Только – прервал он самого себя – давай сначала пропустим по стаканчику нашего фирменного коктейля.

В стаканчике, который он мне поднес, виски явно преобладал над всеми остальными компонентами, искажая пропорцию. Но вкус от этого почти не страдал, как ни странно. Когда мы шествовали в пристройку, в желудке у меня было приятное тепло, а в сознании что-то вроде: вот! значит – настоящий мужчина, коли так смешивает! А я-то думал...

Мы с Гарри увлеченно кидали шары.

Я выигрывал!

А Гарри несколько не огорчился этим (прекрасный парень! он может радоваться успехам друга) и мне приятно было показывать ему мое мастерство вновь и вновь.

В итоге я изрядно вспотел. И это обстоятельство не укрылось от внимания Гарри. Он сразу же предложил мне прохладительный коктейль (не часто встретишь хозяина, настолько чуткого и внимательного к своему гостю), а потом еще позвал поплавать в бассейне.

О, это было кстати! Смешанный Гарри коктейль, правда, состоял, похоже, теперь уже и вовсе из одного только виски. Но – добросовестно охлажденного, а это было для меня главное в тот момент.

Не помню, как мы очутились в бассейне. Какой-то здесь провал памяти. Я сразу начал почему-то захлебываться, хотя ведь я умею неплохо плавать. Но Гарри оказался на высоте и здесь! Он очень заботливо поддерживал меня...

Да. Заботливо.

Но было и еще что-то.

Поддерживал меня он... как-то не совсем так. Его подводные прикосновения вкрадчиво, но более все настойчиво намекали на... на то, чему бы я никак не хотел допустить свершиться! При всей моей симпатии к Гарри.

Тревога прорастала сквозь омрак опьянения, и я начинал неприятно и медленно трезветь. Я тяжело развернулся в кренящемся (так мне казалось) бассейне, и попытался непослушными руками оттолкнуть Гарри.

И у меня получилось, как это ни странно.

Впрочем, Гарри не предпринимал никаких попыток помешать мне провести этот маневр. Он улыбался мне, и огонь, сиявший в его глазах, отражался, казалось, во вздрагивающей воде бассейна.

– Почему ты беспокоился, Боб? – шепнул он. – Тебе, может быть, самому больше нравится проявлять активность? Тогда вперед, я не против. Совсем не против...

– Нет. Гарри, мне вообще... не нравится, – только и сумел произнести я заплетающимся языком.

Пугающий масляный блеск в глазах Гарри потускнел и пропал.

– А почему это тебе не нравится?! – спросил он, хватая меня за плечи. – Ты что же, получается, гомофоб? Или же мы с тобой сейчас в России? Очнись! Расслабься... Послушай, мы с тобой живем в свободной стране, которая покончила с предрассудками. Главное – не какого пола человек, а что ты чувствуешь к человеку. Пожалуйста, будь самим собой, Боб! Когда ты был тет-а-тет с моей благоверной, ты был ведь куда смелее, чем теперь, не так ли?

– Да, Гарри, я, конечно, не гомофоб, – залепетал я. – Я, черт меня побери, стопроцентный американец. Мне дороги наши идеалы свободы, но... я... Ну, ты ведь понимаешь, Гарри, я уже выбрал из вас двоих. Мне больше нравится Сессии. Я, знаешь, пообещал ей...

– Что?!

Гарри отпустил мои плечи и ударил кулаком по воде, и она забрызгала мне глаза.

– Молчи, Боб... Я не хочу больше слышать про эту суку!!! Она всегда и везде успеваешь раньше меня! Ты знаешь, – и Гарри вдруг порывисто схватил мою руку под водой, больно сдавив у локтя. – Когда-нибудь я ее убью. Да, убью. Вот помани мое слово.

Его глаза в этот миг были от моих очень близко, и я увидел, что Гарри говорит правду.

И, более того, я увидел, что это были вообще нечеловеческие глаза.

Мне сделалось очень страшно.

Поймите меня правильно – не скажу, чтоб я успел к тому времени проникнуться к Сесилии какими-то особенно глубокими чувствами. Она была весьма неплоха в постели... Да. Но и только.

Но, видя перед собой испуганные глаза Гарри, я очень, очень за нее испугался. Ну, просто как любой человек, имеющий хоть сколько-то милосердия, и вдруг узнавший реальную опасность, которая угрожает его приятелю.

Хмель полностью вдруг прошел. Я трезво и напряженно вычислял, привалившись к стенке бассейна, что можно сделать, чтобы спасти Сесилию.

– Гарри... – заговорил я, – если ты действительно друг мне, то постарайся меня понять. Я полюбил Сесилию с первого взгляда и... с такой силой, как, может быть, не любил еще никто и никогда на земле. Вот именно лишь поэтому, Гарри, я поступил так нечестно по отношению к тебе. Я просто не могу без нее, поверь! И, если ты действительно способен испытывать какие-то чувства, то меня ты сейчас поймешь. Сейчас ты предлагаешь мне кое-что, а я тебе на это отвечу: не знаю. Но. «Не знаю» – это вот сейчас, Гарри, пока Сесилия жива и здорова. Но если только что-нибудь с ней случится... если, вдруг, я больше никогда не увижу ее роскошного тела, если никогда больше не смогу с нею говорить, трогать ее, спать с ней... знай, Гарри, тогда я возненавижу тебя, и тогда... тогда уж это будет совершенно точно, что тебе ничего не светит!

Он отстранился от меня и выпустил мою руку.

Я продолжал в это время смотреть ему в глаза, и я видел: слезы вдруг выступили на них.

Он был готов разрыдаться! И это был второй случай, когда я ожидал от него чего угодно, только не этого.

Гарри сглотнул и произнес с интонацией обиженного капризного ребенка:

– Боб, а... мое тело тебе?.. мой голос?..

– Впрочем, – он вдруг рванулся ко мне и захватил под водой обе руки мои в свои. – Я понимаю тебя! Ведь я испытываю к тебе в точности то же самое, что и ты к Сесилии. Вся жизнь моя сосредоточилась в том, чтобы дотрагиваться до тебя, слышать, что ты говоришь, а что именно говоришь – не важно. Я этого хочу. И я добьюсь этого любой ценой, Боб. Вот помяни слово мое: любой!

И вдруг лицо его исказилось, и снова мне показалось, что это передо мною не человек, а пума.

– Но ведь какая сука, какая все-таки сука!..

– Я предупредил тебя Гарри, – произнес я.

– Да, Боб, – сдавленно откликнулся он. – Я это услышал, и я это хорошо запомнил. Так вот, я сделаю для тебя все... все, что ты пожелаешь. Я пойду как угодно далеко для того, чтобы ты стал моим.

С этими словами Гарри развернулся, и вылез по лесенке из бассейна. Какое-то время он балансировал на его краю, наставив на меня палец, и, собираясь, видимо, мне что-то еще сказать, но толи передумал, толи не нашел слов, и молча исчез, и в этот миг у меня потемнело перед глазами, и я согнулся и меня вытошнило...

Сесилия не пришла в наш день – среду.

Я даже и представить себе не мог насколько меня может выбить из колеи отсутствие этого привычного свидания. Все следующие дни мне было не по себе. Я не находил себе места! Осознавая при этом, однако, что не Сесилии, как таковой, не хватает мне, а – просто уже сложившегося привычного распорядка.

Я чуть было не проклял Сесилию мысленно за то, что она не приходит. Остановило лишь нежелание уподобиться Гарри в его примитивном эгоизме восприятия всего происходящего как специально для него изготовленного. Я спрашивал себя: почему я не думаю о ее проблемах? а может это он ее не пускает, запер на замок? Или, может быть... Об этой другой возможности мне страшно было даже и помышлять.

Вызвонить Сесилию я не мог.

Промаявшись до уикенда, я, мучимый тяжелыми предчувствиями, отправился провести ее и Гарри, которого, разумеется, видеть мне не хотелось вовсе.

Меня почти не удивил вид коттеджа, выхватываемого из вечерних сумерек сполохами полицейских мигалок.

Я позвонил в дверь и передо мной немедленно, как будто сидел в засаде, явился чернокожий предупредительный сержант. Скажу точнее: непробиваемо и грозно предупредительный. Последовали естественные в такой ситуации протокольные вопросы. Кто я? Какое отношение имею к этому дому? Где именно я был столько-то и до столько-то и может ли это кто-нибудь подтвердить?

– Итак, вы называете себя другом этой семейной пары, – медленно говорил, внимательно глядя мне в глаза, черный широколицый сфинкс. – Кого же именно другом вы были больше?

– Я вас не понимаю, сержант.

– Но сейчас поймете. Позвольте вас попросить подняться по этой лестнице.

– Посмотрите, – затем говорил блюститель, показывая на кровавые пятна на полу и на распахнутую толстую дверцу сейфа. – Соседи слышали выстрелы.

Затем со скоростью пули отъехал серебристый нисан – машина, принадлежащая женщине, однако управлять ей, конечно, мог кто угодно. Способны ли вы дать этому всему какое-то объяснение? Или хотя бы предположить что-нибудь?

Я был обескуражен. К тому же и соображаю я всегда медленно, это не моя сильная сторона. Я попросил разрешения налить себе виски из бара (который был нараспашку – в точности, как и сейф). Сержант мне благосклонно кивнул и я, автоматически положив несколько кубиков льда в стакан из встроенного в бар холодильника, наполнил до краев его виски. Лед бился о стеклянные стенки и дребезжал – так у меня дрожала рука, и я ничего не мог с этим сделать.

– Как видите, этот сейф не взломан, а просто отперт, – вещал, между тем, сержант. – Как и входная дверь. Это, наряду с другими деталями, позволяет предположить, что работали, может, и не грабители. Кто-то из супругов позарился на общее достояние и убил другого. (Тело пока не найдено, но имеются основания так считать.) А затем пустился в бега... Так вот. Ваше мнение, сэр: кто именно?

– Я это точно знаю, – произнес я, наполовину опустошив стакан. – Пусть даже вы посчитаете меня пристрастным. Вам стоит обратить внимание на мои слова, которые я готов подтвердить даже и под присягой. Уверен: это Гарри убил Сесилию, спрятал куда-то труп, забрал деньги. Я очень хорошо слышал собственными ушами, как он грозился убить ее!

Сержант подробно записал мое показание в свой блокнот. Затем я имел честь беседовать еще и со следователем, который долго тряс мою руку, а потом взял подписку о невыезде.

Через полтора месяца (спустя 48 дней – для того, кому будет интересно знать точно) меня разбудил полуночный звонок в дверь. Я был раздражен и собирался рывкнуть по домофону, что вызову полицию, но, повинувшись какому-то непонятному импульсу, набросил халат и открыл.

Я отшатнулся и вздрогнул. Потому что я увидел на пороге моего коттеджа... Сесилию.

– Ты... жива?! – это было все, что я сумел выговорить.

И это было все – или, по крайней мере, так оно мне стало потом казаться – все, о чем я только и думал все 48 дней.

Вы знаете, как опасно произносить слова?

Едва ли вы это знаете.

Слишком уж сильна у людей привычка говорить не задумываясь. А ведь произнесение слов иногда способно предначертать судьбу.

Вот, я с убеждением говорил Гарри о Сесилии – там, в бассейне. Говорил только потому, что произнести такие слова властно требовали от меня обстоятельства. И что случилось? Кем стала для меня женщина, о которой я почти что не думал, покуда мы с ней встречались. «Думал» о ней, скорее, разве только мой пенис. Но вот потом... после того, как я увидел отблеск полицейских мигалок на стене дома Гарри – я думал только лишь о Сесилии, непрерывно, все эти 48 дней.

– Когда он вошел ко мне, я сразу же поняла, что он хочет меня убить, – говорила Сесси, сидя со мною рядом и прихлебывая мартини. – Ведь он возненавидел меня, ты знаешь. Но я не осуждаю его, потому что Гарри был весь охвачен страстью к тебе, мой Боб! Дикой. Испепеляющей... И он поступал естественно. Может быть, когда он поднимал револьвер – это был вообще единственный миг в нашей жизни, когда я относилась к Гарри серьезно. Препятствия на пути к обладанию предметом страсти следует устранять. Не так ли?

– Ты стала совсем другою, Сесилия. Ты прежде не говорила мне ни о чем подобном. Я слышал от тебя только щебет. Я даже и не подозревал, что ты способна на какое-либо суждение. Пусть верное или неверное, но...

– Убийство, милый. Оно меняет совершающего его, мой Боб! Пусть даже это убийство вынужденное, предпринятое в целях самозащиты. Меняет – и почти до неузнаваемости. А ты? Готов ли ты принять на свое ложе новую Сесси? Совсем другую, чем прежде? Не страшно ли тебе будет в постели с убийцей, Боб?

– Боже правый!

Не знаю, верю ли я в Него, но именно такой возглас сорвался тогда с моих уст. – Но что же именно произошло, Сесси?

– Ну... что? Мой благоверный поднимал револьвер и я понимала: выстрелит. Я знаю Гарри давно и вполне могу отличить, когда он выделяется, а когда... Мне стало настолько страшно, мой Боб, что я увидела все это словно в замедленном кино. И это дало мне время. Тихонько нащупала пальцами ноги шнур и выдернула его из розетки. Светильник над нашим ложем... ну, ты ведь помнишь. Затем я бросилась на пол, он выстрелил, пух полетел из подушек и опускался на мои плечи, когда я рванулась к его ногам. Я постаралась как можно сильнее ударить Гарри под коленки (он в это время все палил по кровати) и он упал. Одной рукой я схватила его за горло, другой нащупала подсвечник на туалетном столике, серебристый.

– Помнишь – Сесилия улыбнулась и тусклый огонь сверкнул из-под густо накрашенных ресниц, – как мы с тобой играли с ним?

Я ничего такого не помнил. Впрочем я, могло статься, был просто мертвецки пьяным во время этих любовных игр. Да и вообще мне было, конечно же, не до воспоминаний в эти мгновения.

– Его-то я и опустила на голову Гарри, – продолжала Сесилия. – Он выронил пистолет и кровь его как-то очень быстро пропитала ковер. Я вывезла его труп и бросила ночью в Оклахомское водохранилище. Вот и все. Ну... как? Примешь ли ты меня такой, Боб?

У меня перехватило дыхание. Я только вот в этот миг, вдруг – понял, как мне на самом деле нужна Сесилия! Как мне не доставало ее!.. Или, по крайней мере, мне показалось под пылающим ее взглядом, что будто б я это понял.

Что было дальше?

Чередой дней, в которые мы боялись каждой мелькнувшей тени, ожидая, что ко мне придут с обыском. И чередой ночей, которые словно бы по ступеням все

глубже уводили нас в какой-то перевернутый зыбкий мир, который, как я это понимаю теперь, представлял собой мир безумия.

Нет смысла даже пытаться описывать это все. Я приведу только некоторые фрагменты наших бесед. И этого одного, я думаю, будет уже достаточно, чтобы вы начали понимать, какое именно зло... что именно совершалось в уютной спальне под крышею моего коттеджа.

... – Я не могу отделаться от впечатления, что ты выросла. Знаешь, вот в прямом смысле слова. Как, например, отец обнаруживает, что его юная дочь подросла на дюйм, и к тому же стала куда бойчее, чем раньше.

– Тут будешь побойчее, пожалуй, после того как убьешь! «Попробовала вкус крови», как это бы сказали в каком-нибудь из ветхих вестернов!

Сесилия хихикнула в этот миг, и от ее смешка меня передернуло.

– И, уж конечно, успевший нанести удар первым вырастает в собственных глазах. Верно, Боб? Ведь он же получает свой приз... Ну, что это у тебя стало такое задумчивое лицо? Иди же ко мне... иди!

... – Сесилия! Откуда у тебя эти шрамы? Я их раньше не замечал.

– Шрамы?

– Вот здесь. И здесь. Они почти симметричные.

– Не обращай внимания! Гарри придумал новую сексуальную игру. Тебе бы не понравилось, к сожалению. Обыкновенный садомазохизм, только круче. Ну, почему ты так удивился? Разве же ты не помнишь, какой он был негодяй, этот Гарри? Я рада, что я навсегда покончила с ним. А ты?

Сесилия, вдруг, резко подалась ко мне всем своим телом, так, что левый ее сосок коснулся моего локтя, и заглянула мне в глаза.

– Ты радуешься этому, Боб?

– Не знаю.

Однажды ночью мне приснился кошмар. Я шел по пустынным, гулким, темным и узким улицам, а меня преследовал взгляд. Неотступно направленный мне в затылок, словно револьверное дуло. Я постоянно сворачивал в переулки, в какие-то подворотни. Переходил на бег. Но взгляд этот не оставлял меня... Тогда внезапно мне пришла мысль, которая показалась спасительной. Я резко повернул в сторону и прошел сквозь стену. Во сне это оказалось совсем легко. Теперь-то, возликовал я, между мною и этим взглядом точно стена! И сразу же мой затылок ощутил этот револьверный взгляд с еще более несомненной и цепенящей отчетливостью. Я сдался. Я начинал оборачиваться, чтобы встретить своими глазами эти глаза (чтобы принять судьбу). И в этот миг я проснулся.

Да, я проснулся. Но оказалось, что я всего лишь пробудился из меньшего кошмара в больший. Нависнув надо мной, на меня глядел леопард. Но только на самом деле это был мертвец: Гарри. Я оттолкнул его с силой и закричал. И, видимо, этот мой крик развеял остатки дремотной оторопи.

Конечно же, это был никакой ни Гарри, а это просто Сесилии захотелось полюбоваться мною во время моего сна. Все остальное довершил сумрак спальни и состояние сознания сразу после кошмарного сновидения.

Сесилия не обиделась. Она только произнесла чуть кокетливо:

– Ты чего это?

– Ты знаешь, – отвечал я хрипло и тихо, – мне померещились на твоём лице... не твои глаза!

– А чьи, Боб? Скажи – и ты мне попадешься сейчас. Ведь обыкновенно повсюду воображают глаза того, кого в правду любят.

В те дни моя душа была как будто бы на качелях. Чередовались приступы эйфории с приступами отвращения ко всему и тоски. Причем последние становились все продолжительнее, а первые – эфемернее, и требовали для своего прихода увеличения доз наркотика. Употребление его было одной из новых привычек Сесси, которая передалась мне.

Да только не наркотический дурман определял собой это зыбкое, изматывающее течение жизни. Им правило кошмарное подозрение, все более – как будто скачками – укреплявшееся во мне.

Какое?

Вместо ответа я приведу еще одну из наших бесед.

– Сесси, ты теперь настаиваешь на таких ласках, о которых ты говорила мне раньше: это не мое. Ты все-таки очень изменилась, Сесси! Уверен, так не меняются люди даже и после совершения убийства. Это не твои ласки и не твой рост. И не твои глаза! Сесилия, я... мне кажется, что я уже и не люблю тебя больше.

– Ты говоришь «не мое»? А может быть, ты не прав? Может быть, как раз мое, Боб? Что же до того, что ты, кажется, уже не любишь больше Сесилию, то меня это даже радует. Это хорошо, что ты понял: мы просто вляпались с тобой в одно и тоже дерьмо. Ведь так, Боб?

Дальнейшее произошло все как будто само собою – я ничего не планировал. Это ведь вообще не моя сильная сторона: планировать. Жизнь течет, и, обыкновенно, я просто после задним числом смотрю, куда это на сей раз меня вынес ее поток.

Она (???) полулежала на кровати тогда, она потянулась – и одеяло складками соскользнуло на пол.

– Ну же! Иди ко мне снова, Боб.

– Я не хочу спать с убийцей.

– Вот это новости! Ты раньше относился к этому действию иначе, насколько помню, если оно необходимо ради самозащиты.

– Да. Только никакой ведь самозащиты не было. Я все понял. Здесь не было ничего, кроме элементарного убийства из ревности – реализации замысла, о котором я от тебя слышал. Могу поздравить, ты виртуозный организатор своего алиби. Ты просчитался в одном: ты слишком невысокого мнения о моих умственных способностях. Тебе что, и вовсе не приходило в голову, что я сумею когда-нибудь... догадаться?

Она... нет, видимо, все-таки лучше будет назвать это существо «оно» – сбросило ноги на пол и выражение его лица резко переменялось.

– Я думал, что ты догадаешься еще полторы недели назад, мой Боб. Действительно, я несколько заблуждался относительно твоих умственных способностей. Но это и хорошо. Ведь в результате наш медовый месяц оказался длиннее... Да, это я, твой Гарри.

Я был готов к тому, что услышу это, и все же, когда услышал, мое сердце сделало перебой. Я до последнего сохранял надежду, что, может быть, все-таки происходящее может объясняться как-то иначе!

– Я застрелил эту суку, – продолжало меду тем существо, которое я только что называл «Сесилия», – и бросил ее тело в водохранилище. Деньги из нашего семейного бюджета я использовал на операцию по изменению пола, а их остаток на косметическую операцию, чтобы придать моему лицу столь милые твоему сердцу черты Сесилии. Как видишь, я не остановился ни перед чем, чтобы завоевать твою любовь, Боб. Убийство. Изменение пола и внешности для того, чтобы соответствовать всем твоим предпочтениям. Едва ли на земле есть возлюбленный, который может похвастаться, что ради него приносились такие жертвы. Смотри только не зазнайся, Боб!

– Но ты забыл об одном, Гарри. Ты не спросил меня, хочу ли я этого всего. А значит, это вовсе не жертва мне. Я вообще не вижу в твоих поступках ничего, что сколько-нибудь бы напоминало жертву. Ты просто рвешься удовлетворить вожделение любой ценой – и походя заплатил за это человеческой жизнью.

– А! Я только лишь восстановил справедливость. Подумай, Боб: какого хрена ей досталось от природы задарма все то, что нужно, чтобы заполучить тебя: смазливая женская мордашка и... эта дырка? Что же касается того, что я тебя не спросил... ну, это уж у меня такая особенность, Боб: меня с рождения волновали желания только одного человека... то есть мистера Гарри. Такой у меня характер. Я просто беру, что мне хочется, и лишь смерть меня остановит.

Я слушал это существо, и что-то медленно поднималось в моей душе. Доселе мне знакомое мало в ней и тяжелое, словно лава. И, словно лава же, – требующее выхода.

Кажется, я тогда произнес сквозь зубы:

– Смерть? Что же, может быть это самое верное твое слово, Гарри.

Ей Богу, я и сейчас совершенно не в состоянии понять, каким образом у меня в руке тогда взялся револьвер. Его принесло в мой дом это существо. И он был тот самый, судя по всему, из которого Гарри убил Сесилию. Я просто услышал грохот и понял, что я стреляю. Я понял, что начал действовать, не осознавая это, и, по мере того, как осознание возвращалось, я приходил во все большее изумление от своих действий. Стреляющий револьвер медленно опускался под собственной тяжестью... а я мог лишь наблюдать, как пули пробивают этому существу: лоб; сердце; место, которое он изменил по своему произволу. Пальцы руки разжались, и револьвер стукнул в пол. Меня стошнило и начало трясти. Я заходился безумным хохотом. Я подобрал револьвер и снова стрелял: в потолок, в пол, в стены...

Когда я пришел в себя, несколько, – я перезарядил его. И с ним убежал в подвал. Забился в дальний угол подвальной комнаты и навел ствол на дверь.

Грохот моих выстрелов слышал, вероятно, весь мир – вот что неотступно тогда сияло в моем сознании – сейчас они сюда прибегут, вломятся и увидят: полиция... соседи... ФБР! национальная гвардия!! чертова морская пехота!!!

Но я решил им не даваться так просто.

И только лишь часа через два я понял, наконец, что там ведь, наверху, лежит труп. И мне потребовался еще час, чтобы я сумел заставить себя (я угрожал себе револьвером; хотите – смейтесь) подняться в изрешеченную и залитую кровью спальню, перетащить это тело, все еще теплое, в подвал, закопать.

И я уселся на это место. Не знаю, сколько я провел затем часов (или дней?), постоянно сжимая в руке рифленую рукоять. Не ведаю и того, случилось ли мне заснуть. Но я знаю точно: то, что произошло со мною в этом подвале – произошло не во сне.

Я вздрогнул от холодного дуновения, и поднял глаза. Револьвер выпал из моей руки и ткнулся, глухо, в земляной пол.

Передо мной стоял Гарри. Еще в первоначальном теле своем. Полностью обнаженный. И указательный палец его правой руки был наведен в точности в мою грудь, словно ствол.

В подвале были включены обе лампы. И Гарри должен был отбрасывать, соответственно, две скошенные четкие тени. Да только он не отбрасывал ни одной.

– Ты... ты тоже выстрелил в нее, Боб! – заговорил Гарри. – Да-да. В нее. Хотя ты может быть и думал в этот момент, что наказываешь меня. Но ведь у меня тогда были черты Сесилии. Ты выстрелил в ее образ! В ее живой образ, Боб, а ведь это уже почти... Словом, пока не прозвучали три эти дурацких выстрела, твоя любимая Сесси продолжала еще хоть как-то пребывать в этом мире.

– Ложь!

Я выкрикнул истерически, потому что я не сумел совсем не поверить казуистике этого чудовища.

– Правда, Боб. И правда состоит в том, что ты теперь, как и я, убийца. Так оно или иначе, а твоими руками довершено то, что начинал я. Мы суть с тобой со-убийцы. Наши души переплелись теснее, чем наши тела сплетались во время занятий сексом. Я утащу тебя с собой в ад, и уж там ты будешь принадлежать мне, мой Боб, только мне...

С этими словами Гарри раскинул руки, как для объятия, и вкрадчиво пошел на меня. Я вяло подобрал с полу револьвер и выстрелил (чем очень рассмешил Гарри). В следующий миг я почувствовал прикосновение его рук... и – слава милосердному Богу! – я потерял сознание.

Когда я пришел в себя, Гарри не было. Подвал был безвоздушен и пуст, как моя душа. Я для чего-то сбросил флажок, и осмотрел откинутый в сторону барабан. Там оставался один патрон, остальные гнезда зияли чернотой опустевших гильз. Я понял, что это знак.

Пришла непоколебимая, как судьба, уверенность, что жизненный мой путь должен сейчас закончиться. Я вынес, выверил и подписал приговор. И остается только привести его в исполнение.

Но только я осудил – не себя.

И вот, чтобы не оставалось ни у кого никаких сомнений, я оглашаю текст этого приговора.

Я приговариваю сей мир! Я возвышаюсь до осуждения всего человечества – зашедшего в тупик, не способного дать в своей повседневности никаких твердых ориентиров! Ведь я же так верил в этот мир, я так полагался на него, доверчиво позволяя ему постоянно просто нести меня туда, куда он меня несет. Не знаю, веровал ли я в Бога, но я всегда верил в то, что хотя бы образы вот этой реальности, постоянно предстающие глазам – неизменны. Что они и завтра будут все также обозначать то самое, что они обозначали вчера. И что же оказалось на самом деле? Сесилия – это вдруг уже не Сесилия! Гарри – уже не Гарри!.. Да и... этот вот комок пустоты, душный, подобный зияющему отверстию гнезда со стреляной гильзой – да разве же это прежний простой, всегда понятный людям и себе старик Боб?!

Итак, я приговариваю тебя, сей мир! Тебя, разочаровавшее меня человечество. Ты, внешний мир, всегда воспринимался мною как мать – за которой надо просто идти, точно так же, как вылупившиеся цыплята идут за курицей. А ты оказался мачехой!! Я проклинаю тебя! Сейчас, вот сейчас я убью тебя! Я все от тебя терпел как вдовый, но не собираюсь терпеть того, что ты становишься зыбким...

Я где-то как-то прочел, что после смерти человеку открывается какой-то туннель. Черный, мерзко грохочущий... отвратительный и нежеланный. Но все-таки у него в конце – свет.

Сейчас я заглянул в этот ствол. Он темный и холодный, но он, при этом, хотя бы твердый и прямой. Как туннель.

Что же, помолитесь за меня те, кому я делал добро. Чтобы, все-таки, в конце этого туннеля для меня был свет.

2007

Как люди

Еще не одевшись, Бравлин включил компьютер.

– Я говорил об этом, – произнес он, указывая в экран. – Их корабли садятся вот здесь и здесь. И это наш единственный шанс. Да и не только наш, Слава, но и всего человечества.

– Нам не на кого более положиться, – продолжил Бравлин, отвлекшись от монитора и глядя одновременно и пристально, и рассеяно в карие любимые глаза, – как только лишь на небесных братьев. Ты знаешь, Слава, я никогда не доверял русским...

– Советским, Брав, – поправила его Слава, поморщившись и вздохнув.

– Да. Я это, именно, и хотел сказать. Я вовсе не наезжаю на твоих предков по материнской линии. Так вот, Советский Союз использовал нашу страну как просто марионетку в своей игре. Но эти конкуренты его, они... которые забрали власть над нами теперь, они – еще хуже рус... извини, советских!

– Что делал прошлый режим? – развивал мысль Брав, поднявшись из-за стола и легкими пружинистыми шагами пересекая комнату. – Он откровенно вбивал всем в головы паровыми молотами стандартный идиотизм. Шаг в сторону есть попытка к бегству... А эти как? Они ведь будут куда похитрей советских, не так ли, Слава? Они умеют вот эдак подавать свой идиотизм (почти все тот же – по сути), как будто бы ты сам его выбрал... чего там – чуть ли даже не выдумал... Ну и вот: мы спорим о каких-то нюансах внутри теперешнего идиотизма, что выведенного яйца не стоят, переживаем, участвуем, голосуем... Слава! Мы сделали слепцами вдвойне! А продвижение к пропасти, между тем, ускоряется. Все катится к черту в ж...! И, Слава, если мы с тобой сейчас не спасем наш народ... а с ним и все человечество...

Брав снова подошел к монитору и развернул его.

– Словом... что говорить... Вот карта. Я ее вычислил. Ты... веришь моим расчетам? Ты... понимаешь? Скажи мне, вот сейчас, пожалуйста, еще раз: отправишься ли ты сегодня со мною, Слава... туда?

Она подошла к нему и обняла его и прижалась, щекоча прядями.

– Да... ничего я не понимаю, Брав... если честно. Ты, как всегда, говоришь очень много слов. Но это совершенно неважно. Я чувствую твою силу, родной мой... честный... Если с тобой – отправлюсь... куда угодно.

...Да только это был не закат. Кровоточащая неизбывная рана простерлась по небу от запада до востока. Как будто сам равнодушный Космос был потрясен и предостерегал двух людей, желая, чтобы они одумались. Но, видимо, они были какими-то особенными весьма, эти двое, поскольку они продолжали путь. (Как странно и красиво ошибаются иногда люди!)

Последние лучи солнца покинули тусклый мир. Зато какой-то иной огонь появился внезапно из ниоткуда и принялся разгораться в небе. Сначала он был не на много ярче, нежели звезды. Потом затмил и луну, сиявшую в третьей четверти. Серо-пепельный, неотвратимый свет сделал земной ландшафт скопищем уродливых контуров, как если б из любого предмета, сущего на пустыре между мертвыми автострадами, вытряхнули вдруг душу и сделали неживым – какою-то декорацией из папье-маше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/astahov_yaroslav/lezhvie-osoznaniya-sbornik

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)